

Конституция как утилитаристский договор¹

Индивиды, обладающие личным суверенным правом, добровольно заключают пакт друг с другом, формируя тем самым государство; и это единственный правомочный способ создания государства и единственный принцип, на основании которого государства имеют право существовать.

Томас Пэйн

В идеале совершенная организация любого органа государственной власти должна быть такова, чтобы интересы чиновника полностью совпадали с его обязанностями. Никакая система сама по себе не обеспечивает выполнение этого условия; но еще менее этого можно добиться без специально созданной для этой цели системы.

Джон Стюарт Милль

Мы уже обсудили несколько работ, в которых предполагаемая неизвестность будущего положения является основой нормативной теории общественного выбора. Теория Роулза (Rawls, 1971), о которой идет речь в гл. 25, полагает неизвестность будущего положения условием формирования принципов справедливости, на основании которых заключается общественный договор; Харшаньи (Harsanyi, 1953, 1955, 1977) использует ее также, чтобы вывести аддитивную ФОБ (см. гл. 23).

Бьюкенен и Таллок (Buchanan and Tullock, 1962) разработали теорию конституционного правления, в которой конституция создается в условиях, напоминающих описанные Харшаньи и Роулзом. Индивиды не уверены в своем будущем положении и, таким образом, в собственных интересах выбирают такие правила, которые учитывают положения всех членов общества (Buchanan and Tullock, 1962, стр. 77–80).² Теория Бьюкенена и Таллока является одновременно позитивной и нормативной. Ее авторы утверждают: «Вероятно, что на

¹ Эта глава в значительной степени опирается на статью Мюллера (Mueller, 2001)

² Лейбенштейн (Leibenstein, 1965) достигает того же результата, рассматривая коллективные решения, которые принимаются группой престарелых индивидов для своих потомков. Викри (Vickrey, 1960) рассматривает гипотетическую ситуацию, в которой люди отправляются жить на остров, не зная, каким будет положение каждого из них.

любой конституционной стадии обсуждения необходима неопределенность, чтобы индивид исходя из собственных интересов поддерживал положения конституции, выгодные для всех индивидов и всех групп» (Buchanan and Tullock, 1962, p. 78). При этом тон всей публикации носит предельно позитивистский характер в отличие от трудов Роулза и Харшаньи. Но они также признают и предшественников с их нормативным подходом — работы Канта и приверженцев теории общественного договора (см. в особенности Buchanan and Tullock, 1962, Appendix 1). Действительно, они утверждают, что нормативное содержание их теории заключается именно в единогласии, достигаемом на конституционной стадии (p. 14).

Одно из важных достижений работы Бьюкенена и Таллока — то, что она демонстрирует концептуальный смысл проведения различий между конституционной и парламентской стадиями демократического процесса принятия решений. Если за «вуалью неведения», скрывающей информацию на конституционной стадии, можно достичь единогласной договоренности, то на этом этапе можно написать ряд правил, которые позволят индивидам преследовать собственные интересы на парламентской стадии, уже обладая полным знанием о своих вкусах и статусах. Это, очевидно, требует, чтобы любое планируемое перераспределение было проведено на конституционной стадии, где сохраняется неопределенность относительно будущего положения (Buchanan and Tullock, 1962, ch. 13). Здесь мы видим удивительное совпадение с идеями Роулза. Однако в отличие от него Бьюкенен и Таллок не просто открывают индивидам некую *дополнительную* информацию о них самих на парламентской стадии, а делают доступной всю информацию.

Различия в степени неопределенности в моделях Харшаньи, Роулза, Бьюкенена и Таллока повели их в диаметрально противоположных направлениях в описаниях принципов и общественных институтов, оптимальных для осуществления общественного выбора. В данной главе мы рассматриваем эти различия и анализируем их следствия. Идя таким путем, мы представляем общую теорию конституционного выбора, основанную на методе анализа Бьюкенена и Таллока.

26.1. Конституционный контекст

Каждый индивид R может выбрать одно из n возможных действий, a_{ij} , $j = 1, n$. Эти действия могут носить как сугубо личный характер — например, почесывание за ухом, так и сугубо общественный, например взрыв бомбы в местном пабе. К этому ряду возможных действий относится и уплата налогов для обеспечения чистых общественных благ. Таким образом, все вопросы *коллективных* действий можно рассматривать как решения относительно *индивидуальных* действий. Закон, ограничивающий скорость езды на

автомобиле 65 милями в час, ограничивает свободу желающего ехать быстрее. Налог на бензин, идущий на дорожное строительство, одновременно ограничивает свободу человека в приобретении бензина и расширяет возможности передвижения на автомобиле. Любой *коллективный выбор* — это решение об индивидуальных действиях.

Все действия можно разделить на три категории: *нейтральные* действия, которые затрагивают благосостояние только самого актора; *негативные экстерналии* — действия, которые снижают благосостояние других сторон; и *позитивные экстерналии* — действия, которые повышают благосостояние других сторон. Поскольку мы имеем дело с ситуациями, включающими риск и неопределенность, мы предполагаем, что индивидуальные функции полезности удовлетворяют аксиомам фон Неймана–Моргенштерна и, таким образом, что полезность для каждого индивида можно представить с помощью *количественных* индексов (Ng, 1984a; Binmoge, 1994, ch. 4).

Общество может принять одно из трех взаимоисключающих решений по отношению к любому индивиду R и его действию a_{ij} : (1) оно может *предоставить* R свободу совершать это действие или не совершать его; (2) оно может *запретить* R совершать это действие; (3) оно может *обязать* R совершить это действие. Запрет на некое действие можно рассматривать как установление бесконечно большой платы за его свершение.

Любое создающее экстерналии действие может привести на постконституционной стадии к конфликту в связи с возможным запретом или разрешением этого действия, а на конституционной стадии — в связи с выбором государственных институтов для разрешения этого постконституционного конфликта. Конфликт такого рода на конституционной стадии может помешать единогласному принятию конституционного договора. Согласно Харшаньи (Harsanyi, 1955), Роулзу (Rawls, 1971) и Бьюкенену и Таллоку (Buchanan and Tullock, 1962), единогласие может быть достигнуто при предположении о неопределенности на конституционной стадии относительно будущего положения. Каждый из авторов защищал это предположение по-своему, и если речь идет о Харшаньи и Роулзе, то они предполагали различную плотность «вуали неведения», которая скрывает информацию о будущем. Предположение относительно *плотности* «вуали неведения», т. е. характере и объеме информации, доступной гражданам на конституционной стадии, имеет важные последствия для определения типов институтов, которые вводятся конституцией.

На конституционной стадии индивиды выбирают запреты, обязанности и правила голосования, которые предположительно увеличат их *ожидаемую* полезность. Соглашение о конституции должно быть принято единогласно; существование неопределенности обеспечивает достижение такого единогласия. На постконституционной стадии индивиды уже знают кто они, каковы их преимущества и т. д. Все частные действия имеют целью максимизацию полезности, как и коллективные действия в соответствии с правилами голосования,

определенными в конституции. Разумеется, есть вероятность, что кто-то может проголосовать за запрет некоего действия на конституционной стадии, если он не знает своих будущих предпочтений, а затем на постконституционной стадии, когда он знает свои предпочтения, попытается нарушить этот запрет. Таким образом, общество должно предусмотреть в конституции определенные механизмы, которые могли бы гарантировать *выполнение* конституции. Вопрос *выполнения* конституции рассматривается в разделе 26.8.

26.2. Случай двух действий

Предположим, что существуют всего две группы индивидов, назовем их строки (R) и столбцы (C). Каждый может предпринять любое из n возможных действий, a_{rj} , $j = 1, n$; и a_{cj} , $j = 1, n$. У каждого индивида в группе одинаковая функция полезности, определенная относительно его собственных действий и действий членов другой группы, $U_i(a_{rj}, a_{cj})$, где $i = R, C$. Поскольку у всех членов R одинаковая функция полезности, то если для некоего R полезность возрастает в результате выполнения действия a_{rj} , это будет верно для всех R . Поэтому можно считать, что $U_i(a_{rj}, a_{ck})$ — это полезность для индивида i в случае, когда любой из R выполняет действие a_{rj} и любой из C — действие a_{ck} . Каждый индивид в каждый момент времени выполняет только одно действие. Действия a_{rn} , a_{cn} определены как отсутствия действия и, как предполагается, не создают никаких экстерналий.

Теперь рассмотрим возможные последствия того, что члены R и C предпринимает действия a_{rj} и a_{ck} , и сравним это с отсутствием действий — a_{rn} и a_{cn} . Для некоего члена R действие a_{rj} может иметь три возможных результата: (1) полезность становится выше, чем в случае отсутствия действия a_{cn} , — эту ситуацию мы представим в форме неравенства $u_{rj} > 0$; (2) действие a_{rj} не меняет полезность R , $u_{rj} = 0$, и (3) действие a_{rj} уменьшает полезность R , $u_{rj} < 0$. Эти изменения полезности можно считать совокупным влиянием на члена R выигрыша или потери в результате его собственного действия a_{rj} и любого выигрыша или потери, обусловленных реакцией R на то, как его действия отразились на всех C . Предположим, например, что действие a_{rj} — это курение индивидом R сигары, хотя он знает, что это ухудшает положение C . Если R испытывает достаточно сильное неудобство, зная, что все C страдают из-за его курения, то для R это действие снижает его собственную полезность, т. е. $u_{rj} < 0$, хотя в отсутствие каких-либо C курение доставило бы R положительную полезность. Те же самые три возможных варианта получения полезности существуют для действия a_{cj} совершаемого любым индивидом из C .

Любое действие, совершаемое кем-либо из R или C , может либо никак не повлиять на членов другой группы, либо вызвать позитивные или негативные экстерналии. Обозначим изменение полезности, испытываемой

кем-либо из C в результате действия a_{rj} , совершаемого членами R , как e_{rj} . В случае если действия влекут позитивные экстерналии, $e_{rj} > 0$; аналогично $e_{rj} = 0$ в случае нейтрального действия и $e_{rj} < 0$ в случае негативных экстерналий. Сначала мы для простоты предположим, что функции полезности являются сепарабельными. Тогда влияние действия членов R , a_{rj} , и внешние эффекты действия членов C , a_{cj} , являются постоянными величинами и их совокупное влияние на полезность всех R является суммой двух эффектов: $u_{rj} + e_{cj}$.

Действие a_{rj} может дать три различных следствия в отношении полезности для каждого R и три возможных внешних эффекта, что в совокупности дает девять комбинаций собственного и внешнего эффектов. То же самое верно для всех C , что при учете всевозможных действий и взаимодействий между группами дает уже 81 комбинацию с получаемой полезностью. Однако количество комбинаций можно снизить до 36, если мы допустим, что R не станет добровольно предпринимать действие a_{rj} , если $u_{rj} = 0$, и аналогичным образом C не будет действовать, если $u_{cj} = 0$. Остальные 36 комбинаций представлены в матрице 26.1.

Матрица 26.1. *Варианты коллективных действий, когда внешние эффекты сепарабельны*

			Столбцы					
			1	2	3	4	5	6
			$u_{cj} > 0$ $e_{cj} > 0$	$u_{cj} > 0$ $e_{cj} = 0$	$u_{cj} \leq 0$ $e_{cj} < 0$	$u_{cj} \leq 0$ $e_{cj} = 0$	$u_{cj} > 0$ $e_{cj} < 0$	$u_{cj} \leq 0$ $e_{cj} > 0$
Строки	1	$u_{rj} > 0$ $e_{rj} > 0$	NN	NN	NN	NN	NB	NO
	2	$u_{rj} > 0$ $e_{rj} = 0$	NN	NN	NN	NN	NB	NO
	3	$u_{rj} \leq 0$ $e_{rj} < 0$	NN	NN	NN	NN	NB	NO
	4	$u_{rj} \leq 0$ $e_{rj} = 0$	NN	NN	NN	NN	NB	NO
	5	$u_{rj} > 0$ $e_{rj} < 0$	BN	BN	BN	BN	BB	BO
	6	$u_{rj} \leq 0$ $e_{rj} > 0$	ON	ON	ON	ON	OB	OO

Примечание: N — не требуется действия; B — действие запрещено; O — действие обязательно.

Первая буква в каждой ячейке соответствует строкам, вторая – столбцам.

Из 36 возможных ситуаций 16 не требуют коллективного действия. Матрица построена таким образом, что эти случаи сгруппированы в верхней левой части и обозначены как NN. Первое N означает, что в результате совершения R действия a_{rj} не требуется коллективных действий, второе N означает, что то же самое справедливо относительно действий C . Например, в ячейке, принадлежащей строке 3 и столбцу 1, осуществляемое R действие a_{rj} повлечет негативные экстерналии для всех C , в то время как осуществление C действия a_{cj} создаст позитивные экстерналии для всех R . Поскольку $u_{rj} \leq 0$, но $u_{cj} > 0$, все R сочтут, что в их интересах не предпринимать таких действий, в то время как все C сочтут, что это бездействие в их интересах, и оптимальный результат возникнет без необходимости в каком-либо коллективном решении.³

Для всех ячеек матрицы с пометкой B запрет на групповое осуществление данного действия *может быть оптимальным*. В строке 1 и столбце 5, например, полезность всех R увеличивается при выполнении действия a_{rj} , т. е. $u_{rj} > 0$, но это действие также создает негативные экстерналии, $e_{rj} < 0$. Если e_{rj} достаточно велико по сравнению с u_{rj} , запрет на осуществление членами R данного действия может быть оптимальным для общества. Отметим, что когда это действие осуществляют члены C , оно создает позитивные экстерналии, так что *если* запрет в такой ситуации был бы оптимальным, то это был бы *асимметричный* запрет, распространяющийся только на членов R . Ячейки с отметкой O обозначают ситуации, в которых обязательное выполнение действия *может быть* оптимальным из-за наличия позитивных экстерналий, а две ячейки с пометками OB и BO представляют собой весьма нестандартные ситуации, в которых оптимальными оказываются одновременный асимметричный запрет для одной группы и обязательство действовать — для другой. К этому и другим асимметричным случаям мы вернемся ниже.

Шестнадцать ячеек, помеченных NN, означают ситуации, в которых коллективные действия *никогда* не требуются, поскольку каждая группа, действуя независимо от другой, приносит оптимальные результаты. Еще 20 ячеек соответствуют ситуациям, в которых запреты или обязательства действовать *могут быть оптимальными*. Конечно, может быть и так, что никакое коллективное действие просто не будет нужно. Допустим, что два человека — Робинзон и Крузо — являются единственными жителями некоего острова, столь изобильного, что никакое коллективное действие не произведет таких выгод, которые превысят затраты; и кроме того, остров достаточно велик, чтобы все негативные экстерналии были малы в сравнении с выгодами для их создателя. В таком случае логической возможностью является блаженная анархия.

В случае более населенных сообществ и менее благоприятной окружающей среды можно ожидать потенциального выигрыша от коллективных действий.

³ Вспомним, однако, что причина, по которой $u_{rj} \leq 0$ может заключаться в том, что все R получают отрицательную полезность, если они создают негативные экстерналии, т. е. $e_{rj} < 0$.

Сейчас мы переходим к рассмотрению вопросов о том, как могут быть выработаны оптимальные коллективные решения в результате двухстадийного конституционного процесса, на первом этапе которого индивиды не знают о своем будущем положении.

26.3. Конституционный договор

В ходе двухстадийного демократического процесса неопределенность может принимать несколько форм. Минимальная неопределенность, необходимая для того, чтобы стало возможным единогласное принятие решения относительно конституции, покрывающей полный спектр возможных действий, — эта неопределенность касается будущих положений в обществе. Предположим, что каждый индивид на конституционном этапе может предсказать все будущие коллективные действия и их следствия, т. е. содержимое ячеек матрицы 26.1 и всех аналогичных матриц для всех пар будущих действий, включая полезности различных участников. Поскольку любое возможное состояние — это некая пара действий представителей строк и столбцов, подобное предположение равносильно предположению о том, что каждый индивид на конституционной стадии может предвидеть все возможные состояния. Каждый индивид на конституционной стадии знает величины u_{rj} , u_{cj} , e_{rj} и e_{cj} из матрицы 26.1 для любой возможной пары действий и количество участников в строках и столбцах — n_r и n_c . Каждый индивид на конституционной стадии знает *все* о будущем, *за исключением* того, к какой группе он будет принадлежать — C или R . Эту ситуацию мы будем называть *неопределенностью самоидентификации*. Для ее иллюстрации можно, например, представить себе ситуацию, когда индивиды выбирают конституцию для своих будущих детей. Пусть R соответствует женщинам, а C — мужчинам. Допустим, что можно предсказать полезность, которую женщины и мужчины получают от данной пары действий, и количество женщин и мужчин в будущем. Но на конституционной стадии представляется невозможным предсказать пол будущих детей. В таком случае имеет место неопределенность идентификации.

Если индивиды на конституционной стадии знают количественный состав строк и столбцов, а именно n_r и n_c , то они могут вычислить вероятность принадлежности к той или иной группе. Степень неопределенности усиливается, если допустить, что эти количества неизвестны. Допустим, R и C — различные этнические группы и скорость роста численности этих групп неизвестна. Эту ситуацию мы называем *количественной неопределенностью*.

Степень неопределенности повышается еще более, если предположить, что индивиды на конституционной стадии не знают получаемых в будущем полезностей — значений u_{rj} , u_{cj} , e_{rj} и e_{cj} в различных ситуациях. Такую ситу-

ацию мы называем *неопределенностью выигрыша*. Человек на конституционной стадии не может судить о вероятных страданиях будущего раба или выгодах его хозяина.

Каждый из перечисленных видов неопределенности приводит к различным институциональным решениям проблемы коллективных действий.

26.3.1. Оптимальные коллективные действия в случае неопределенности самоидентификации

Каждый индивид на конституционной стадии может предвидеть, какого рода вопросы будут возникать в будущем, количество индивидов в каждой группе и выигрыши полезности для каждой группы. Единственное, чего они не знают, — к какой группе, R или C , они сами будут принадлежать. Таким образом, каждый индивид на конституционной стадии может указать для каждой возможной пары будущих действий (a_{rj}, a_{cj}) ячейку в матрице 26.1, в которой будет находиться сообщество. Если ячейка относится к тем, что содержат NN, не требуется никаких коллективных действий. Многие действия могут оказаться отнесенными к одной из 16 таких ячеек. Причем их так много, что творцы конституции, вероятно, включают в нее положение, позволяющее всем делать все, что угодно, при условии, что *конституция или закон, принятый в соответствии с этой конституцией, не содержит положений, явным образом запрещающих или требующих определенного действия*. Тем самым дозволяются все возможные действия, которые только может предпринять индивид, из числа тех, что не затрагивают ничье благосостояние, кроме благосостояния самого актора, или создают позитивные экстерналии.

Теперь рассмотрим какое-либо действие в одной из остающихся 20 ячеек, например из строки 5, столбца 1. Действие C создает позитивные экстерналии и приносит C положительную полезность. Таким образом, C не требуется принуждать к совершению этого действия и не нужно предотвращать его осуществление. С другой стороны, действие R создает негативные экстерналии, но приносит R положительную полезность. Рациональный индивид на конституционной стадии, не знаящий, кем он будет — R или C , выбирает вариант, при котором всем представителям R запрещается выполнять это действие, если ожидаемая полезность от такого запрета положительная. Вероятность того, что данный индивид принадлежит к группе R , равна $\pi_r = n_r / (n_c + n_r)$, а вероятность принадлежности к группе C — $\pi_c = n_c / (n_c + n_r)$. Ожидаемая полезность для данного индивида тогда будет:

$$\varepsilon(U) = \pi_r u_{rj} + \pi_c e_{rj} \quad (26.1)$$

Если (26.1) отрицательна для действия, относящегося к ячейке в строке 5, конституция должна запрещать всем R выполнение этого действия. Если (26.1) отрицательна, то отрицательной будет и величина (26.2), которая есть просто (26.1) умноженная на $(n_c + n_r)$.

$$n_c e_{rj} + n_r u_{rj} < 0 \quad (26.2)$$

Условие (26.2) раскрывает тесную связь между выбором в пользу максимизации ожидаемой полезности индивида на конституционной стадии и бентамовской ФОБ; оптимальное коллективное решение относительно действия a_{rj} максимизирует сумму изменений полезности, вызванных данным действием.

Если (26.3) выполняется для некоего действия, приводящего в любую ячейку в строке 6, творцы конституции должны согласиться обязать R к выполнению такого действия.

$$n_c e_{rj} + n_r u_{rj} > 0 \quad (26.3)$$

Аналогичные неравенства применительно к ячейкам в столбцах 5 и 6 определяют условия, при которых действия C должны быть запрещены или, наоборот, признаны обязательными. Отметим, что только ячейка на пересечении строки 5 – столбца 5 и строки 6 – столбца 6, *вероятно*, может привести к *симметричным* запретам или обязательствам для всех граждан. Мы обсудим симметричные и асимметричные запреты и обязательства в следующем разделе.

Если бы единственной информацией, закрытой для индивидов на конституционной стадии, было знание о том, кем они станут в будущем, тогда в конституции могли бы быть прописаны все запреты и обязательства, которые только могут когда-либо понадобиться. Собственно говоря, такая ситуация подразумевает только найтовский риск, а не истинную неопределенность, и индивиды на конституционной стадии имеют в своем распоряжении всю информацию, необходимую им для вычисления своей ожидаемой полезности от каждой пары действий представителей групп R и C (Knight, 1921). Если раз в 20 или в 100 лет может случиться наводнение, для защиты от которого требуется построить дамбу, творцы конституции могут предвидеть это событие, будущие предпочтения граждан, а в результате возложить на них налог и обязать их к определенным усилиям. Затем все это можно прописать в конституции. Никакой второй стадии демократического процесса не понадобится. С точки зрения индивида на конституционном этапе, конституция может оптимально разрешить все проблемы на все времена.

Утверждение 1: *Неопределенность самоидентификации вкупе с полной информацией о предпочтениях и численности всех будущих граждан позволяет индивидам на конституционной стадии определить все будущие запреты и обязательства таким образом, чтобы максимизировать их ожидаемую полезность на постконституционной стадии. Не требуется никакой второй стадии коллективного принятия решения.*

Предположения в утверждении 1 по сути совпадают с теми, что сделал Харшаньи (Harsanyi, 1955, 1977) при определении принципов морального выбора. Каждый индивид может предугадать полезность каждого индивида в каждом возможном будущем состоянии, а также вероятность того, что он будет кем-нибудь из этих индивидов. Он выбирает такой социальный статус, т. е. комбинацию действий R и C , который максимизирует его ожидаемую полезность. Такой выбор максимизирует сумму будущих полезностей общества, и, таким образом, его можно рассматривать как максимизирующий бентамовскую ФОБ.⁴ Если на конституционной стадии имеет место только неопределенность самоидентификации, тогда конституция определяет все действия для всех будущих граждан таким образом, чтобы максимизировать бентамовскую сумму индивидуальных полезностей. Общественный договор/ конституция определяет все необходимые действия всех сторон договора. При этом вторая стадия политического процесса не требуется.

26.3.2. Оптимальные коллективные действия в случае количественной и самоидентификационной неопределенности

Мы продолжаем считать, что индивиды на конституционной стадии знают и могут сравнить величины u_{rj} , u_{cj} , e_{rj} и e_{cj} , связанные с любыми будущими действиями, совершаемыми членами обеих групп. Таким образом, оптимальное коллективное решение по отношению к любому действию R , представленное в ячейках в строках 5 или 6 матрицы 26.1, должно все еще удовлетворять уравнениям (26.2) или (26.3). Уравнение (26.2) требует, чтобы было выполнено следующее условие:

$$n_r/n_c < -e_{rj}/u_{rj} \quad (26.4)$$

и по отношению к запрету на действие a_{cj} :

⁴ С помощью нескольких дополнительных аксиом Харшаньи (Harsanyi, 1955) доказывает, что этический выбор индивидов, сводящийся к максимальному увеличению их ожидаемых полезностей, при предположении, что они располагают равными возможностями стать любым будущим гражданином, эквивалентен максимизации бентамовской ФОБ. См. гл. 23.

$$n_c/n_r < -e_{cj}/u_{cj} \quad (26.5)$$

Поскольку предполагается, что правые части (26.4) и (26.5) известны, оптимальный коллективный выбор можно сделать после того, как определено количество индивидов в обеих группах. Эта информация может быть просто получена на основе числа граждан, голосующих на второй стадии политического процесса по поводу запрета. В интересах группы R голосовать против запрета действия a_{rj} , а в интересах C голосовать за этот запрет. Творцы конституции могут гарантировать принятие оптимального коллективного решения относительно запрета на действия R , потребовав проведения референдума с большинством голосов в пользу запрета, удовлетворяющего (26.4). Например, если известно, что увеличение полезности для R от действия a_{rj} в три раза превосходит ущерб для C , обусловленный этим же действием (т. е. $u_{rj} = -3 e_{rj}$), то ожидаемая полезность творцов конституции максимизируется благодаря требованию, чтобы будущий запрет на осуществление R этого действия получил большинство в 3/4 голосов или более.

Утверждение 2: Если $u_{rj} > 0$, $u_{cj} > 0$, $e_{rj} < 0$ и $e_{cj} < 0$, количественная и самоидентификационная неопределенность вкупе с полной информацией о предпочтениях всех будущих граждан позволяют индивидам на конституционной стадии максимизировать их ожидаемую полезность путем нахождения правила голосования для второй стадии коллективного принятия решений, которое определяло бы все будущие запреты действий a_{rj} (a_{cj}) таким образом, чтобы условие (26.4) [(26.5)] выполнялось.

Из (26.3) мы аналогичным образом выводим условия, делающие обязательными a_{rj} и a_{cj} :

$$n_r/n_c > -e_{rj}/u_{rj}; \quad (26.6)$$

$$n_c/n_r > -e_{cj}/u_{cj}, \quad (26.7)$$

откуда мы получаем

Утверждение 3: Если $u_{rj} < 0$, $u_{cj} < 0$, $e_{rj} > 0$ и $e_{cj} > 0$, количественная и самоидентификационная неопределенность вкупе с полной информацией о предпочтениях всех будущих граждан позволяют индивидам на конституционной стадии максимизировать их ожидаемые полезности путем нахождения правила голосования для второй стадии коллективного принятия решений, которое определяло бы все будущие обязательства

выполнения действия a_{rj} (a_{cj}) таким образом, чтобы условие (26.6) [(26.7)] выполнялось.

В особом случае, когда $u_{rj} = -e_{rj} > 0$, ожидаемая полезность индивида на конституционной стадии максимальна, если решение о запрете на действие a_{rj} принимается простым большинством голосов. По сути, это теорема Рэя–Тейлора, утверждающая преимущества правила простого большинства, которую мы обсуждали в гл. 6, очевидно опирается на предположение о равной интенсивности предпочтений оппонентов.⁵

Если выполняется условие равенства интенсивности предпочтений с симметричными негативными экстерналиями, т. е. $u_{rj} = -e_{rj} > 0$ и $u_{cj} = -e_{cj} > 0$, то правило простого большинства голосов является оптимальным правилом голосования для принятия решения, следует ли запрещать действие a_{rj} для представителей R и действие a_{cj} для представителей C . Если R окажутся в большинстве, они проголосуют за запрет действия a_{cj} и за разрешение действия a_{rj} . Безжалостная логика ожидаемого увеличения полезности вкуче с предположением о равной интенсивности предпочтений ведут к «тирании большинства» как оптимальному исходу процесса выбора правила голосования, которое максимизирует ожидаемую полезность гражданина на конституционной стадии. Большинство голосует, чтобы разрешить себе делать то, что оно запрещает делать меньшинству.

Утверждение 4: *В случае симметричных негативных (позитивных) экстерналий и равной интенсивности предпочтений сторон (т. е. $u_{rj} = -e_{rj}$ и $u_{cj} = -e_{cj}$) количественная и самоидентификационная неопределенность вкуче с полной информацией о предпочтениях всех будущих граждан подразумевает, что правило простого большинства голосов является оптимальным правилом голосования по вопросу запрета (обязательства выполнения) действий a_{rj} и a_{cj} будущими представителями групп R и C . Применение этого правила голосования на второй стадии процесса коллективного принятия решений при этих предположениях должно привести к асимметричному запрету (обязательству выполнения) действий a_{rj} и a_{cj} . (Предположение об одинаковой интенсивности предпочтений подразумевает, что правые части и (26.4) и (26.5) равны 1. Чтобы симметричный запрет был оптимальным, необходимо одновременное выполнение двух неравенств: $n_r/n_c < 1$ и $n_c/n_r < 1$, что невозможно.)*

Напротив, мы можем видеть, что симметричный запрет может стать оптимальным в случае количественной и самоидентификационной не-

⁵ См. Rae (1969), Taylor (1969) и Rae and Schickler (1997). В книге Бьюкенена и Таллока (Buchanan and Tullock, 1962, pp. 128–130) также подчеркивается важность предположения относительно равной интенсивности при выборе правила простого большинства голосов.

определенности, только если *известны* выигрыши полезности, причем они таковы, что для соответствующих запретов оптимальными являются *различные* правила голосования. Например, если $u_{rj} > 0$, $u_{cj} > 0$, $-e_{rj}/u_{rj} = 1$, и $-e_{cj}/u_{cj} = 2$, то правило простого большинства будет оптимальным для запрета a_{rj} , в то время как a_{cj} должно быть запрещено, даже если треть сообщества проголосует за этот запрет. Если $1 < n_c/n_r < 2$, группа C имеет возможность запретить a_{rj} , но не в состоянии предотвратить запрещение группой R действия a_{cj} .

Для введения запрета на некое действие, согласно условиям (26.4) и (26.5), необходимо тем более значительное большинство, чем меньше выигрыш в полезности поддерживающего запрет индивида относительно выигрыша в полезности того, кому позволено действовать. В пределе, по мере того как правые части (26.4) и (26.5) приближаются к бесконечности, творцы конституции допускают возможность запрета в будущем, только если сообщество единогласно проголосует за такой запрет.

Напротив, если $-e_{rj}$ возрастает значительно относительно u_{rj} , конституционное соглашение может установить презумпцию против действия a_{rj} . Это может быть дополнено через конституционный запрет на действие a_{rj} с условием, что он может быть снят большинством в $m_j \geq -e_{rj}/(-e_{rj} + u_{rj})$. В пределе, когда потеря полезности для C становится слишком большой в сравнении с выигрышем полезности для R в результате действия, конституционный запрет последнего может быть отменен, только если все общество единогласно проголосует за снятие этого запрета.

Аналогичные соображения, в свою очередь, применимы к обязательствам.

26.3.3. Оптимальные коллективные действия в случае количественной неопределенности, неопределенности самоидентификации и выигрыша

Для многих видов действий самым реалистичным будет предположение о том, что индивид на конституционной стадии испытывает все три вида неопределенности: количественную, неопределенность самоидентификации и выигрыша. Например, разумно предположить, что в 1787 г. человек вполне мог сравнить полезность, получаемую курильщиком от курения, с негативными последствиями, которые в то же время влекло за собой это действие, но он не смог бы в точности предсказать положительные и отрицательные аспекты курения для людей в далеком будущем, или же оценить количество курильщиков и тех, кто не курит. В целом, он не мог предвидеть, будут ли открыты другие подобные табаку возбуждающие

средства, каковы будут положительные и отрицательные последствия их употребления и т. д. Все e_j из (26.2) и все u_j из (26.3) остаются в этих ситуациях неизвестными.

Если бы творцы конституции могли предвидеть изменения распределения полезности, обусловленные определенным действием, то можно было бы просто подставить ожидаемые значения e_j и u_j в наши условия оптимальности и действовать, как описано выше. Однако если мы рассматриваем конституцию как то, что управляет коллективными решениями сообщества в очень длительном периоде, то даже это допущение может быть поставлено под вопрос. С другой стороны, если все члены уравнений, определяющих условия оптимальности, являются неизвестными, невозможно внести в конституцию никакого регламентирующего квалифицированное большинство правила голосования для осуществления будущего коллективного выбора, чтобы оно максимизировало ожидаемую полезность кого-либо на конституционной стадии.

Таким образом, когда невозможны рациональные предсказания обусловленных определенным действием увеличения и уменьшения полезности, конституция может просто ничего не говорить о том, как будущие поколения должны решать проблему. Хотя такой подход был бы честным в интеллектуальном отношении, он возложил бы на будущие поколения сложную задачу — как выбирать, так и применять правила голосования по многим потенциально раскалывающим общество вопросам после того, как полностью выяснятся все предпочтения.

Вместо того чтобы взваливать на будущие поколения задачу подобного выбора, творцы конституции могут сделать «просвещенное предположение» относительно величин $-e_j$ и u_j и соответственно установить то или иное правило голосования. Но что собой представляет «просвещенное предположение»? $-e_j$ в два раза меньше u_j или в три раза больше? Предположение об их равенстве составляет фокальную точку Шеллинга либо, с другой стороны, может рассматриваться как применение к данной ситуации принципа недостаточного основания. Если $-e_j$ равно u_j , условие (26.4) требует, чтобы любой запрет на действие, который отвечает ячейкам строки 5 в табл. 26.1, принимался простым большинством голосов. Условие (26.6) требует применения правила простого большинства для обязательств в ситуациях, отвечающих ячейкам в строке 6. Тогда мы имеем нормативное оправдание для повсеместного применения этого правила голосования. При невозможности оценить будущие выигрыши и потери многих коллективных решений создатели конституции полагают их равными и выбирают такое правило голосования, которое в таком случае максимизирует ожидаемую полезность при данном предположении.

26.4. Симметричные и асимметричные запреты и обязательства

Хотя с точки зрения индивида на конституционной стадии, находящегося в неопределенности относительно своей будущей идентичности, асимметричные запреты и обязательства могут выглядеть оптимальными, часто они могут оказаться неосуществимыми. Предположим, что разрешение ездить со скоростью более 65 миль в час увеличивает полезность как представителей S , так и представителей R , если они делают такой выбор ($u_{rj} > 0$ и $u_{cj} > 0$). Пусть R — умелые и осторожные водители, которые пользуются правом ехать с этой скоростью только тогда, когда отсутствует опасность причинить кому-либо вред ($e_{rj} = 0$). Пусть, напротив, S — плохие и беспечные водители ($e_{cj} < 0$). Находясь за «вуалью неведения», сообщество единогласно разрешает R ездить с какой угодно скоростью и в то же время запрещает S превышать скорость 65 миль в час. Но если нельзя идентифицировать индивидов в соответствии с категориями R и S до того, как они сядут за руль, такой запрет невозможно будет реализовать. Поскольку и R , и S предпочитают иметь возможность ездить со скоростью более 65 миль в час, S могут просто притвориться, что они являются R . Учитывая неосуществимость реализации асимметричных запретов, оптимальным будет симметричный запрет. Это будет как раз тот случай, когда ожидаемая полезность кого-либо на конституционной стадии от полного запрета положительна, т. е. когда удовлетворяется (26.8):

$$n_r u_{rj} + n_c e_{rj} + n_c u_{cj} + n_r e_{cj} < 0 \quad (26.8)$$

Когда (26.6) не выполняется, оптимальным правилом будет симметричное разрешение на езду со скоростью, превышающей 65 миль в час. Для обязательств при наличии позитивных экстерналий требуется выполнение аналогичного условия с обратным знаком неравенства. Таким образом, в связи с наличием транзакционных затрат по осуществлению асимметричных запретов и обязательств, больше правил должно применяться симметрично, чем представлено в матрице 26.1.

С другой стороны, часто оказывается возможным выявить тех, кто имеет отличающиеся предпочтения, и/или тех, кто создает иные экстерналии, чем те же действия остальных членов общества. В таких случаях целесообразно введение асимметричных запретов, например запрета на употребление алкоголя лицами до 21 года. Таким образом, максимизирующая ожидаемую полезность конституция введет асимметричные запреты всякий раз, когда различия в выигрышах полезности или внешних эффектов от действий можно с легкостью определить.

Ячейки, лежащие на пересечении строки 6 и столбца 5, а также строки 5 и столбца 6 в матрице 26.1, относятся к действиям, которые могут выглядеть очень маловероятными — одновременно запретными для одной группы и обязательными для другой. Тем не менее такое асимметричное обращение в отношении различных групп логически возможно и наблюдается на практике. Несколько архаичным и сексистским примером такого рода асимметрии является конституционное требование о службе в армии мужчин и запрет на службу в армии женщин. Такой асимметричное отношение к этим двум группам может возникнуть, если для мужчин служба в армии имеет отрицательную полезность, но дает позитивный внешний эффект для общества, а женщины мечтают служить в армии, но их служба имеет негативные экстерналии. При этих условиях граждане, не знающие о своей будущей половой принадлежности, могут единогласно принять ассиметричные запрет и обязательство относительно военной службы.

26.5. Непрерывные действия с взаимозависимыми полезностями

Предположение о бинарных действиях и сепарабельных внешних эффектах позволило нам достаточно просто проиллюстрировать несколько важных свойств оптимальных политических институтов в максимизирующей полезность конституции. Более того, эти предположения реалистичны в отношении многих проблем коллективного выбора. Рабство, аборт и легализация наркотиков — вот лишь три примера, которые многими рассматриваются как бинарный выбор. Разумно предположить, что ущерб, который испытывает C , когда R крадет у него какую-либо вещь, не зависит от того, является ли сам C вором.

Однако в других ситуациях следует предполагать наличие более сложных взаимоотношений. Для всех R риск ущерба от неосторожного вождения кого-нибудь из C зависит от того, управляют ли сами представители R автомобилем. Скорость машины может иметь любое значение из некоторого промежутка. Деньги на поставку чистого общественного блага могут выделяться в разных количествах. Для описания таких ситуаций необходимо рассматривать a_{rj} как непрерывную переменную. Следствия такого подхода можно увидеть, предположив, что полезность представителей R и C — дважды дифференцируемая функция, определенная относительно двух скалярных величин a_{rj} и a_{cj} :

$$U_R = U_R(a_{rj}, a_{cj}) \text{ и } U_C = U_C(a_{rj}, a_{cj}), \quad (26.9)$$

Индивид на конституционном совещании желает максимизировать свою ожидаемую полезность, что опять-таки сводится к максимизации бентамовской функции:

$$W = n_r U_R(a_{rj}, a_{cj}) + n_c U_C(a_{rj}, a_{cj}), \quad (26.10)$$

что дает следующие условия первого порядка:

$$\begin{aligned} \frac{\partial W}{\partial a_{rj}} &= n_r \frac{\partial U_R}{\partial a_{rj}} + n_c \frac{\partial U_C}{\partial a_{rj}} = 0; \\ \frac{\partial W}{\partial a_{cj}} &= n_r \frac{\partial U_R}{\partial a_{cj}} + n_c \frac{\partial U_C}{\partial a_{cj}} = 0. \end{aligned} \quad (26.11)$$

Если и функции полезности, и количество членов групп R и C известны, у нас снова, по сути, появляется ситуация, которую впервые анализировал Харшаньи (Harsanyi, 1955), и творцы конституции предусматривают такие уровни каждого вида активности (a_{rj}, a_{cj}) , такие ограничения, чтобы максимизировать ФОБ в (26.10).

Когда функции полезности U_R и U_C известны, но неизвестны n_r и n_c , может возникнуть желание установить такие правила голосования, чтобы выяснить величины n_r и n_c . Однако если U_R и U_C являются непрерывными функциями a_{rj} и a_{cj} , такой возможности нет. Из (26.11) мы можем получить оптимальное соотношение между количеством членов каждой группы и предельной полезностью каждого действия.

$$\begin{aligned} \frac{n_r}{n_c} &= - \frac{\partial U_C / \partial a_{rj}}{\partial U_R / \partial a_{rj}}; \\ \frac{n_r}{n_c} &= - \frac{\partial U_C / \partial a_{cj}}{\partial U_R / \partial a_{cj}}. \end{aligned} \quad (26.12)$$

Если обе величины предельной полезности действия a_j положительны ($\partial U_R / \partial a_{rj} > 0$ и $\partial U_C / \partial a_{cj} > 0$) и это действие вызывает негативные экстерналии, тогда (26.12) задают условия, которые определяют оптимальные уровни обоих действий. Но не существует правила голосования, которое привело бы к такому результату. Если для определения объема действий a_{rj} и a_{cj} используется правило простого большинства и представители R окажутся в большинстве, то они не выберут такой объем действий a_{rj} и a_{cj} , который удовлетворял бы условию (26.12). Вместо этого они обеспечат себе полную свободу действий, так что $\partial U_R / \partial a_{rj} = 0$, а правая часть первого уравнения в (26.12) устремится к бесконечности, в то же время a_{cj} будет полностью запрещено. Когда возможны самые различные объемы действия и вместе с ними варьируется уровень полезности, никакое правило квалифицированного

большинства *само по себе* не может служить определению оптимального объема действия.

Потенциально простор для тирании большинства, очевидно, может быть велик, когда объемы действия колеблются в широких пределах. Более того, в отличие от ситуации, в которой имеются только два варианта выбора — действие и его отсутствие, при наличии множества вариантов действий правило простого большинства может дать результат, сильно отличающийся от того, который максимизировал бы полезность индивида на конституционной стадии. Более точной аппроксимации до оптимального объема действий в этой ситуации можно достичь, если конституция объединяет выбор квалифицированного большинства, которому предстоит принимать решение об объеме действия, и симметричное ограничение. Каким бы ни был объем действия, разрешенный одной группе (или востребованный от нее), то же должно быть распространено и на другую группу. При таком условии симметрии, использовании правила простого большинства и если, например, в большинстве будут представители R , то они выберут такой объем a_j , что $\partial U_R / \partial a_{rj} = -\partial U_R / \partial a_{cj}$, т. е. тот объем, который уравнивает знаменатели в правых частях двух уравнений в (26.12). Если бы функции полезности у представителей R и C были одинаковыми, то тогда такой объем деятельности также уравнивал бы и числители, и правые части обоих уравнений в (26.12) были бы равны 1. Хотя объемы a_{rj} и a_{cj} не максимизировали бы (26.10) при данных n_r и n_c , они бы, скорее всего, гораздо ближе подошли к этому результату, чем в том случае, если бы одной группе было позволено определять разные объемы a_j для каждой группы так, чтобы максимизировать собственную полезность.⁶

Можно заключить, что конституционное совещание, ожидающее, что будущие члены сообщества будут иметь одинаковые, определенные на непрерывных объемах действий различных видов функции полезности, может обеспечить более высокий уровень ожидаемой полезности на конституционной стадии, если соединит правило простого большинства с требованием, что все решения, принятые в соответствии с ним, должны применяться в одинаковой степени ко всем членам сообщества.

⁶ При снижающейся предельной полезности от осуществления a_{rj} выигрыш кого-либо из R в результате перехода от ограниченного уровня a_{rj} , при котором $\partial U_R / \partial a_{rj} = -\partial U_R / \partial a_{cj}$, к неограниченному ($\partial U_R / \partial a_{rj} = 0$), будет в тенденции становиться меньше, чем потеря в полезности, если представители C ограничены в действиях при $a_{cj} = 0$.

В книге (Buchanan and Congleton, 1998) представлены примеры ситуаций, в которых наложение симметричного ограничения может увеличить суммарную полезность сообщества.

26.6. Затраты на принятие решений

Рассмотрим еще раз ячейки в строке 5 матрицы 26.1. Представители R получают положительную полезность от действия, вызывающего негативные экстерналии. Соблазнительно утверждать, что никаких коллективных действий в таких случаях не требуется, и положиться на теорему Коуза с тем, что обеспечить получение Парето-оптимального результата.⁷ Представители S могут добиться от представителей R отказа от данного действия, просто подкупив их.

Однако если рассуждать о разрешении подобных конфликтов на конституционной стадии, такой окольный путь решения проблем может показаться нелегитимным, по крайней мере по отношению к первым четырем ячейкам в строке 5. Чтобы запретить представителям R данное действие, представители S должны предложить им достаточно большую взятку. Но чем могут представители S подкупить представителей R , если на конституционной стадии права собственности еще не установлены? Таким образом, в отношении таких типов *конфликтов*, которые представлены в первых четырех ячейках строк 5 и 6, представляется оправданным предположить, что коузианские решения недостижимы, и необходимо внести специальное положение в конституцию для их оптимального разрешения.

Этот аргумент не работает для четырех ячеек в нижнем правом углу матрицы 26.1, где пересекаются пятая строка с шестым столбцом и шестая строка с пятым столбцом. Теперь у каждого есть нечто для участия в торге, а именно свобода осуществлять действие a_j . В этих четырех случаях могут возникать различные варианты «дилеммы заключенных», и, вероятно, оптимальный результат мог бы быть получен путем реализации требования чтобы запреты на действия и обязательства по их осуществлению вводились совместно с использованием правила единогласия. Далее, обсуждая возможные проблемы, связанные с затратами принятия решений, мы проводим различия между четырьмя ячейками в матрице 26.1, которые потенциально порождают «дилемму заключенных» (пересечения строки 5 со столбцом 6 и столбца 5 со строкой 6), и другими 16 ячейками в этих двух строках и столбцах, которые мы называем *конфликтными* вопросами.

26.6.1. «Дилемма заключенных»

В «дилемме заключенных» единогласное решение применять кооперативную стратегию возможно *в отсутствие* какой-либо неопределенности относительно того, кем являются игроки и каковы выигрыши их полезности (Muller, 1998). Таким образом, *даже* если на конституционном этапе отсутствуют все три формы неопределенности, в отношении действий, которые могут

⁷ См. Coase, 1960, Bernholz, 1997a, и обсуждение в гл. 2.

привести к «дилемме заключенных», игроки имеют стимулы согласовывать совместные кооперативные действия, и это соглашение может, в принципе, быть прямо прописано в конституции.

К сожалению, несомненно, что в ситуации «дилеммы заключенных» у каждого индивида есть стимул нарушить соглашение на постконституционной стадии. Чтобы можно было получить выгоду от сотрудничества в ситуации «дилеммы заключенных», в соглашении также должны быть предусмотрены стимулы к сотрудничеству, например штрафы за уклонение от него. Эффективный запрет воровства должен предусматривать наказание в случае нарушения этого запрета. При этом оптимальное наказание за кражу буханки хлеба, имеющее целью сдерживание таких краж, может отличаться от наказания, предназначенного сдерживать ограбление банка. Таким образом, коллективные решения во многих ситуациях «дилеммы заключенных» не просто включают конкретизацию желаемого для каждой стороны действия — не воровать, — они также подразумевают разнообразные, возможно, репрессивные акты со стороны общества.

Вклад в обеспечение чистого общественного блага также имеет характеристики «дилеммы заключенных», но в данном случае *действие*, о котором идет речь, — сколько каждый человек вкладывает — по существу является непрерывной переменной. Оптимальный вклад каждого гражданина зависит от его предпочтений и дохода, а в обществе количество групп с различными предпочтениями в отношении общественных благ, вероятно, больше двух. В обществах с большим количеством индивидов, имеющих различные предпочтения и различный уровень дохода, *затраты на принятие решения* при определении вклада каждого гражданина, наложения на него штрафа за отказ сотрудничать и т. д. будут достаточно велики. При учете этих затрат оптимальным может оказаться правило, не требующее единогласного принятия решения.

Однако если коллективные решения принимаются квалифицированным большинством голосов, индивид теряет защиту от ухудшающих его положение решений, которую ему обеспечивает правило единогласия. Индивид теперь открыт для *внешних издержек коллективного принятия решений*.⁸ Таким образом, затраты на принятие решений, связанные с правилом единогласия, превращают ситуацию потенциального сотрудничества при поиске Парето-предпочтительных вариантов действий в конфликт между победившей коалицией, которая получает чистые выгоды от коллективного действия, и проигравшей коалицией, которая не получает таковых. На конституционной стадии вновь возникает неопределенность — индивид не знает, окажется ли он среди победивших или проигравших.

Влияние затрат на принятие решения на выбор правила коллективного решения можно исследовать при предположении, что в отношении к этому

⁸ См. (Buchanan and Tullock, 1962, стр. 63–91) и обсуждение в гл. 4.

коллективному решению в обществе опять-таки имеются всего две группы — победители и побежденные. Пусть w — увеличение в полезности, которое ожидает индивида на конституционной стадии от определенного коллективного решения в случае, если он окажется среди победителей, а s — потеря полезности в случае, если он окажется в числе проигравших. Вероятность $p(m_j)$ того, что некто окажется среди победителей по вопросу j , — это функция от m_j — доли голосов, необходимых для принятия такого решения, причем $p'(m_j) > 0$, а $p''(m_j) < 0$ вплоть до $m_j = 1$. Выбирая правило голосования для решения этого вопроса, индивид на конституционной стадии должен взвесить выигрыш в полезности, который он ожидает от увеличения необходимого для прохождения вопроса большинства, и, таким образом, свои шансы оказаться среди победителей, и затраты на принятие решения в связи с поиском ряда действий, в результате которых можно получить необходимое большинство. Обозначим эту величину как $d(m_j)$, при этом оправданно предположить, что $d'(m_j) > 0$ и $d''(m_j) < 0$ вплоть до $m_j = 1$. Член конституционного совещания должен, таким образом, выбрать m_j так, чтобы максимизировать

$$\varepsilon(U) = p(m_j)w - [1 - p(m_j)]s - d(m_j), \quad (26.13)$$

что дает m_j , удовлетворяющее

$$p'(m_j)(w+s) = d'(m_j) \quad (26.14)$$

Левая часть (26.14) — это предельный выигрыш в полезности, ожидаемый от увеличения требуемого большинства голосов; правая часть — это предельное увеличение затрат на принятие решений. Правило голосования, максимизирующее ожидаемую полезность индивида на конституционной стадии, уравнивает эти предельные выгоды и затраты на обеспечение альтернативных вариантов требуемого большинства.

Если мы рассматриваем процесс голосования как поиск информации о предпочтениях индивида, например о готовности каждого индивида внести некий вклад в обеспечение общественным благом, то представляется разумным говорить о предельных затратах на принятие решений, которые непрерывно растут с увеличением требуемого для прохождения вопроса количества голосов, поскольку становится все труднее и труднее выявлять вклад, который повышает благосостояние индивида с отклоняющимися предпочтениями; одновременно усиливаются стимулы к участию в стратегическом шантаже. Альтернативный способ рассмотрения этой ситуации заключается в поиске коалиций победителей. Каждое новое предложение может существенным образом отличаться от предшествующего и получать поддержку совсем другой группы избирателей. Если используется такой способ голосования, необходимо принять во внимание возможность заикливания. Затраты на принятие решения могут в таком случае *снижаться* по мере того, как требуемое боль-

шинство увеличивается на некотором промежутке значений m_j , поскольку увеличение m_j снижает вероятность заикливания. Это особенно вероятно, если решение принимается по вопросу, подобному определению количества чистых общественных благ, и, таким образом, разумно предположить, что выполнены условия применения теоремы Каплина–Налебаффа (Caplin and Nalebuff, 1988). В таком случае можно ожидать, что вероятность заикливания падает с увеличением требуемого количества голосов и достигает нуля при $m_j = 0,64$. Это подразумевает, что график предельных затрат принятия решений имеет U-образную форму с минимумом в точке 0,64 (см. рис. 26.1). График предельной выгоды от увеличения m_j , $p'(m_j)(w+s)$, вероятно, пересечет график $d'(m_j)$ дважды, при этом оптимальное значение m_j^* окажется где-то около и чуть выше 0,64. Принимая во внимание вероятность заикливания и связанные с этим затраты на принятие решений, конституционное совещание может отклонить правило простого большинства для разрешения проблемы заключенных в связи с предоставлением общественных благ в пользу правила квалифицированного большинства.⁹

Предельные выгоды
и предельные затраты

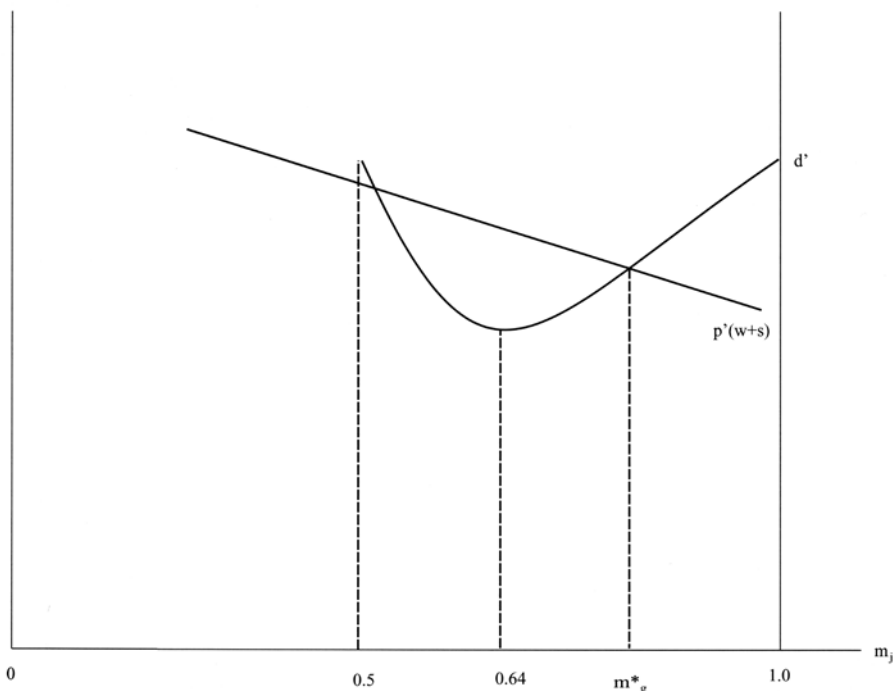

Рис. 26.1. Выбор оптимального большинства

⁹ См. обсуждение в гл. 9.

26.6.2. Прямые конфликты

Остальные 16 ячеек в пятой и шестой строках и пятом и шестом столбцах матрицы 26.1 означают односторонние экстерналии. В пятом столбце и пятой строке экстерналии негативны — примером таковых могут служить курение в общественном месте и превышение скорости при вождении, в шестой строке и шестом столбце экстерналии позитивны. Такие ситуации можно представлять в виде одномерных схем в диапазоне от полного запрета действия или обязанности его предпринять до полной свободы осуществлять или не осуществлять это действие. Коллективное действие означает разрешение спора между гражданами относительно оптимальной строгости запретов или обязательств. Разумно предположить, что индивиды имеют однопиковые предпочтения по вопросам такого рода; иными словами, для каждого предпочтительна определенная степень строгости запрета или обязательства, причем полезность падает по мере того, как эта степень отклоняется от идеала. Для разрешения подобных вопросов правило единогласия неприменимо, если только не допускать платежи сторон как способ осуществления коузианского обмена.

Если речь идет об одномерной проблеме, то у индивида есть стимул голосовать честно. Предложения ограничить какое-либо действие можно делать в последовательности, соответствующей возрастанию строгости. Побеждающее предложение при голосовании по принципу квалифицированного большинства с пороговым значением m_j наложит ограничение, соответствующее идеальной точке голосующего в m_j -м процентиле распределения идеальных точек голосующих. Выбор m_j эквивалентен выбору перцентиля распределения идеальных точек, в который будет попадать ограничение. Время, необходимое для выбора одного перцентиля, не может сильно отличаться от времени для выбора другого; разумно предположить, что $d'(m_j)$ равно нулю. Конституционное совещание может рассматривать затраты на принятие решения как постоянные безвозвратные потери. При выборе оптимального большинства голосов для разрешения конфликтов при одномерных вопросах следует учитывать только влияние этого выбора на ожидаемые выигрыши в полезности. Будущие затраты на принятие решения не нужно принимать во внимание.

26.7. Права и обязанности

Рассмотрим еще раз уравнение (26.4). По мере того как правая часть уравнения стремится к нулю, доля голосов, необходимых для запрета a_{rj} , приближается к 100%. Кроме того, есть два пути, которыми правая часть (26.4) может стремиться к нулю. Во-первых, конечно, она равна нулю, если $e_{rj} = 0$. Если полезность представителей C не зависит от a_{rj} , то представители

R имеют полную свободу в отношении этого действия, и условие (26.4) для запрета на это действие на второй стадии политического процесса требуется единогласное решение сообщества. Но существует бесчисленное множество действий a_{rj} , которые увеличивают полезность для R , но не оказывают никакого влияния на остальных. Невозможно прописать все эти действия в конституции с указанием, что наложить ограничения на эти действия можно только при единогласном решении сообщества. Как отмечено выше, более эффективным способом регламентирования в таких случаях является полное разрешение всех действий, которые не были явным образом запрещены или ограничены.

Отношение $-e_{rj}/u_{rj}$ также стремится к нулю, даже если $-e_{rj} > 0$, когда u_{rj} становится очень большим. В этом случае индивиды на конституционной стадии, которые считают, что в будущем они могут оказаться в числе R , не могут просто рассчитывать на широко определенную свободу делать что угодно, чтобы защитить свое право на выполнение действия a_{rj} . Поскольку это действие уменьшает полезность представителей C , в будущем они могут попытаться ввести для R запрет осуществлять a_{rj} . Такие ограничения могут быть введены путем голосования простым большинством голосов и привести к потере чистой полезности, если право всех R на осуществление a_{rj} не будет явным образом защищено. Индивиды, не уверенные, окажутся ли они в будущем в R или C , станут максимизировать свою ожидаемую полезность на конституционной стадии, явным образом потребовав, чтобы предложение об ограничении свободы совершать a_{rj} принималось квалифицированным большинством, которое может достичь и до единогласия (см. рис. 26.2).

Если R испытывают значительный ущерб от того, что им запрещают выполнять действие a_{rj} , они будут голосовать за предложение об ограничении их свободы совершать a_{rj} , только если они смогут получить какую-либо компенсацию за причинный им ущерб или если их уговорят принять это ограничение. Хотя можно представить себе, что группы людей каким-то образом убедят отказаться от своего права вето в подобных ситуациях, все же такие ситуации не могут встречаться часто, если конституционное совещание правильно оценило относительный выигрыш от этого действия, когда решило обеспечить его защиту с помощью правила единогласия. Все R почти всегда будут отклонять предложенные ограничения. Время, потраченное на дебаты вокруг таких предложений и на голосование, будет потеряно впустую. Предвидя, что большая часть будущих предложений по введению ограничений на это действие проигрывает при правиле единогласия, будущие затраты на принятие решений можно было бы сократить, введя конституционное право, гарантирующее всем R свободу совершения действия a_{rj} . Это право гарантирует для всех R защиту от любых государственных или частных попыток ущемить в будущем их свободу в отношении a_{rj} , или если такое же условие справедливо и для всех C , то свободу любого члена общества в отношении a_{rj} . Поскольку право всегда подразумевает также свободу *не совершать* это действие, сообщество

может по-прежнему пытаться подкупить, заставить или уговорить некую группу воздержаться от данного действия, так что оба варианта, возможных при следовании правилу единогласия, по-прежнему доступны обществу после введения данного права.

Следует отметить несколько особенностей конституционных прав в рамках данной теории. Во-первых, явные права определены только для действий, которые в принципе могут порождать достаточно сильные негативные экстерналии, чтобы некоторые члены сообщества предприняли усилия ради ограничения этих действий. В отсутствие потенциальных негативных экстерналий даже приносящие значительные выгоды актору действия не будут оспорены и поэтому не нуждаются в защите. Во-вторых, имеется неискоренимое противоречие между конституционными правами и принципом мажоритарной демократии. Когда в конституции присутствуют и явным образом определенные права, и правило простого большинства голосов применительно к ситуациям, где индивидуальные интересы конфликтуют, то эти ситуации будут радикально отличаться с точки зрения воспринимаемого ущерба, возложенного на различные стороны в результате ограничения действия. Правило простого большинства голосов оптимально для решения проблемы негативных экстерналий, когда индивид на конституционной стадии ожидает выигрыш в полезности от свершения действия, равный приносимому этим действием ущербу. Права четко прописываются в конституции в случаях, когда правило простого большинства не является оптимальным, поскольку ожидаемые выгоды и ущерб от запрета несопоставимы, и творцы конституции хотят исключить его применение. Поскольку права будут определены только когда ожидаются значительные потери для тех, кому препятствуют совершать действие, по сравнению с потерями всех остальных, то, похоже, споры по правам могут быть весьма эмоциональными. В них может быть втянуто явное большинство, которое чувствует себя ущемленным данным действием, и противостоять оно будет меньшинству с сильной потребностью в данном действии, из которого оно извлекает выгоду.¹⁰

Конституционное право защищает свободу индивида *действовать*. Следовательно, все права, явным образом прописанные в конституции, содержат *неявное обязательство* всех членов общества *не* препятствовать индивиду, который осуществляет конституционно защищенное действие.¹¹

¹⁰ Дальнейшее обсуждение этих проблем см. в работах Мюллера (Mueller, 1991, 1996a, ch. 14).

¹¹ Слово «право» в наши дни часто употребляется в смысле «права на получение чего-то». Такие «экономические права» также могут быть защищены в качестве положений конституции. Здесь определение действия должно включать получение необходимой медицинской помощи, обеспечение соответствующей диеты и т. п. См. Мюллер (Mueller, 1991, 1996a, ch. 16) и обсуждение в гл. 3 настоящей книги.

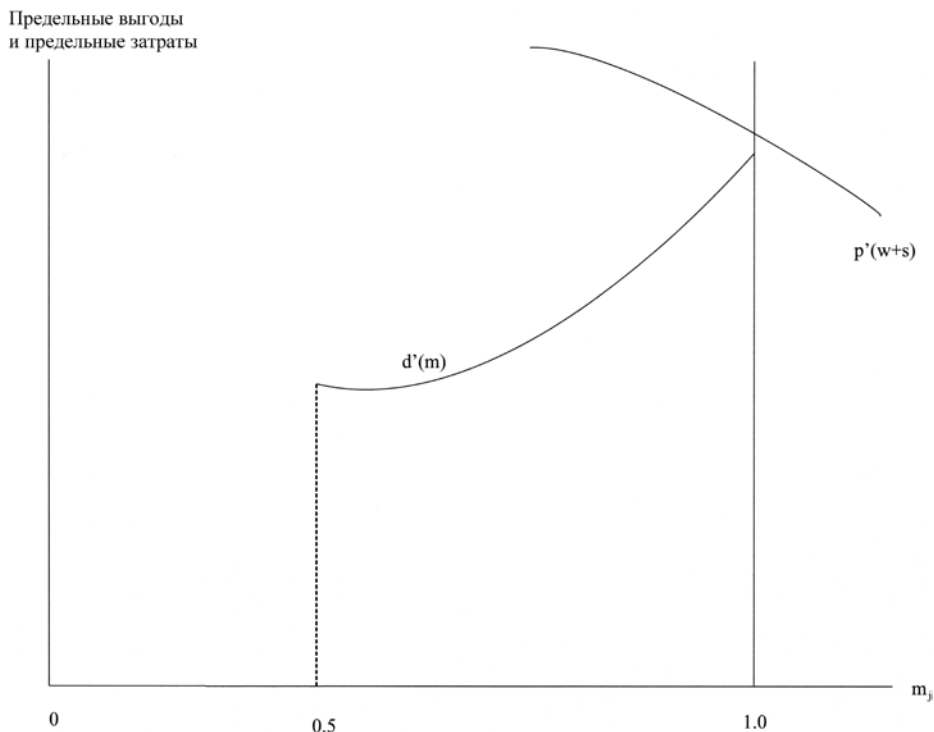

Рис. 26.2. Правила единогласия как оптимальное большинство

Явные обязательства, с другой стороны, *принуждают* к определенным действиям. Точно так же, как конституционное право на a_j можно рассматривать как заменитель положения, при котором все возможные в будущем ограничения накладываемые обществом на a_j принимаются только единогласно; установленное в конституции требование осуществлять a_j — это заменитель положения, требующего, чтобы все будущие исключения из этого обязательства единогласно одобрялись. Оба эти права нуждаются в определении только в конфликтной ситуации. Существует, однако, одно очень важное отличие между правом и обязательством. Право дает человеку *свободу* осуществлять действие a_j , но не принуждает к этому *выбору*. Индивид свободен совершать или не совершать a_j . Таким образом, это право увеличивает пространство свободы индивида поступать по собственному желанию, которую должна обеспечивать конституция.

Напротив, явное обязательство вынуждает совершать действие a_j . У него не остается свободы выбора. Такое принуждение необходимо в ситуации, когда человек наносит ущерб благополучию сообщества в целом, т. е. в ситуации конфликта. Таким образом, обязательство — это форма рабства индивида по отношению к сообществу. Следовательно, можно ожидать, что в обществах, где

индивиды осознают значительные выгоды от предоставления людям свободы действовать по собственному выбору, количество определенных в конституции *прав* намного превосходит количество явных *обязательств* действовать.

26.8. Конституция: договор или соглашение?

Историю представления о конституции как о своего рода договоре между членами общества о создании государственных институтов можно проследить уже начиная с Томаса Гоббса (1651). Это представление доминирует в публикациях, посвященных вопросам общественного выбора, начиная с книги Бьюкенена и Таллока «Расчет согласия». В течение последних десяти лет представление о конституции как об общественном договоре было поколеблено несколькими авторами, которые предлагают рассматривать конституцию как *соглашение* или *механизм* координации действий членов общества.¹² Хотя вопрос имеет отчасти семантический характер, все же речь идет не только о более или менее удачном выборе слов — поскольку в основе терминологического различия лежит различие в представлении о том, чем является конституция и с какими целями она создается. Здесь мы остановимся, чтобы рассмотреть аргументы в пользу одной и другой точек зрения.

26.8.1. Конституция как договор

Вслед за Гоббсом многие рассматривают конституционные договоры как заключенные в состоянии анархии (например, Buchanan, 1975a). Итак, представим себе небольшое сообщество, живущее в состоянии анархии, которое рассматривает возможность создать государственные институты для облегчения принятия в будущем коллективных решений. Пусть это общество достаточно мало, чтобы все его члены могли встретиться на общем собрании и составить конституцию. Принимается решение, что и в дальнейшем коллективные решения будут приниматься на таких собраниях всеми членами общества. Выбор правила голосования, которое будет использоваться в будущем, требует больше времени. Некоторые выступают за правило простого большинства, другие — за большинство в три четверти, некоторые — за единогласное принятие решений. После длительных дебатов все единогласно соглашаются признать большинство в две трети для всех коллективных решений, которые будут приниматься в дальнейшем.

Почему сообщество может *требовать*, чтобы выбор правила голосования был сделан единогласно на первом собрании? Существуют по меньшей

¹² См. Hardin (1989, 1990), Ordeshook (1992), Binmore (1994, pp. 28–31), Kolmar (2000), Filippov, Ordeshook and Shvetsova (2001).

мере две причины. Во-первых, необходимо решить проблему бесконечного регресса (возврата). Какое правило голосования нужно использовать для выбора правила голосования, которое будет использоваться в дальнейшем? Если общество находит возможность единогласно выбрать правило голосования для последующего принятия коллективных решений, то бесконечный регресс остановлен.¹³ Вторая причина необходимости единогласия на конституционной стадии заключается в том, что это позволяет увеличить вероятность выполнения в будущем положений конституции. Если выбирается правило большинства в две трети, то некоторые люди неизбежно будут нести ущерб от коллективных решений. Может ли человек быть уверен, что он всегда будет согласен с решением сообщества? Ответ, конечно, заключается в том, что человек никогда не может быть в этом уверен, но если тот, кто оказался в числе проигравших, все же предварительно согласился с такими правилами голосования, по которым кто-то обязательно окажется ущемленным, он хотя бы неявным образом согласился оказаться в числе этих ущемленных.¹⁴

Чтобы еще больше расширить возможности согласия, можно представить себе, например, что все члены сообщества, собравшиеся для составления общественного договора, после голосования *подписывают* конституцию так же, как они подписали бы частный договор. Этим символическим актом каждый гражданин еще больше обязывает себя выполнять положения составленной с его участием конституции.

Это представление можно подкрепить, проводя аналогию между подписанием конституцией и заключением брака.¹⁵ Сегодня мужчины и женщины часто живут вместе в течение нескольких лет, не заключая брака, и затем принимают решение о регистрации своих отношений, хотя это никак не влияет на их повседневную жизнь. Зачем они идут на расходы и хлопоты, связанные с формальным заключением брака? Одно из объяснений состоит в том, что они решили укрепить приверженность своим взаимоотношениям, символом чего стало формальное бракосочетание. Делая это, они демонстрируют друг другу готовность жить вместе в течение достаточно длительного времени, оставаться друг с другом «в радости и в горе» и т. д. Подписание брачного контракта может укрепить приверженность каждой из сторон к их взаимоотношениям, так же как подписание конституции или голосование за ее ратификацию могут подкрепить готовность каждого гражданина следовать

¹³ См. (Buchanan and Tullock, 1962, с. 6–8).

¹⁴ Роулз (Rawls, 1971) в своей теории *общественного договора* глубоко исследовал вопрос обеспечения согласия, так же, как и Бьюкенен (1975а) в своей гоббсовской теории конституции.

¹⁵ Филиппов, Ордешук и Швецова (Filippov, Ordeshook and Shvetsova, 2001) хотя и очень критично относятся к договорному подходу к конституции, приводят такую же аналогию.

положениям этой конституции. Для некоторых людей такое символическое действие имеет значение.

В сообществах, слишком больших для того, чтобы прямая демократия могла использоваться как эффективный метод управления, проблема согласия приобретает иную форму. Как можно быть уверенным в том, что в будущем представители граждан будут принимать решения в интересах граждан, а не просто в личных интересах? Здесь мы вновь рассматриваем конституцию как договор, но теперь уже как *договор между принципалом и агентом*. Здесь, как и во всех прочих подобных договорах, главную роль начинает играть вопрос создания надлежащих стимулов для добросовестного выполнения агентом своих обязанностей. Конкурентные выборы — один из возможных способов, конституционные сдержки и противовесы — другой.

Таким образом, можно сделать вывод, что представление о конституции как о договоре дает следующие возможные концептуальные преимущества: (1) решает проблему бесконечного регресса при выборе правила голосования, (2) раскрывает мотив, по которому граждане могут согласиться подчиниться конституции, и (3) выявляет природу представительного правления как отношения «принципал–агент» и, следовательно, потребность сформировать государственные институты, которые приближают интересы представителей к интересам граждан.

26.8.2. Конституции как соглашения

Орदेशук занимается проблемой бесконечного регресса другого рода, чем та, о которой мы говорили в предыдущем разделе:

Но если договоры гарантируют, что люди будут делать то, что они не стали бы делать в противном случае, то трудно выделить конечный источник продолжительного существования конституции. Обеспечивается ли выполнение ее положений вторым договором, который, в свою очередь, обеспечивается третьим, и т. д.? Обеспечивается ли их соблюдение изнутри — полицией, судом и вооруженными силами? Или они должны обеспечиваться с помощью силы, которая управляется олигархией, самой стоящей за рамками конституционных ограничений? На первый вопрос ответ, очевидно, «нет»; второй же просто сдвигает проблему на шаг назад, так что приходится спрашивать: «Как же обеспечиваются положения конституции, обеспечивающие выполнение мер, призванных обеспечивать выполнение этих положений?»

Ordeshook (1992, p. 144)

По Орदेशуку, единственное решение этой задачи бесконечного регресса заключается в том, что конституция должна быть самоподдерживающейся.

Конституция должна содержать ряд *механизмов* или *соглашений*, которые обеспечивали бы должные стимулы для ее самоподдержания.¹⁶

Все авторы, отклоняющие идею конституции как договора, подчеркивают близость проблемы конституционного устройства природе теории игр. Общество сталкивается с множеством возникающих вновь и вновь общественных дилемм, и оно должно так или иначе достичь одного из возможных состояний равновесия в этой суперигре. Конституция — это механизм, ряд соглашений, который находит равновесие.¹⁷

Часто используемый пример соглашения — выбор сообществом право- или левостороннего движения. Янг (Young, 1993) использовал эволюционную теорию игр, чтобы продемонстрировать, каким образом общество придет к одному из двух возможных равновесий в суперигре даже в отсутствие каких-либо переговоров между гражданами. Однако нахождение равновесия, вероятно, произойдет намного быстрее, если граждане общаются меж собой. Итак, представим, что в рассматриваемом нами небольшом сообществе должен появиться автомобиль. Оно осведомлено о том, что произошло в других обществах после появления автомобилей, и желает избежать аварий, возникающих при неупорядоченной езде на автомобиле. Назначено собрание, на котором предстоит решить, по какой стороне дороге будут ездить машины.

Когда человек приходит на такое собрание, у него есть некие предпочтения в пользу либо левостороннего, либо правостороннего движения. Кроме того, каждый понимает, что, даже если будет выбран не тот вариант, который ему нравится больше, ущерб для него не будет велик. Первое решение, которое необходимо принять на собрании, — это определение правила голосования для выбора направления движения. Собрание единогласно принимает правило простого большинства, потому что никто не хочет терять много времени на обсуждение подобного вопроса. Выдвигается соответствующее предложение, проводится голосование и определяется направление движения. Собрание быстро заканчивается.

Этот простой пример иллюстрирует основные характеристики концепции конституции как соглашения. Существуют два положения равновесия, между которыми нужно сделать выбор. После того как сделан выбор, правило становится самоподдерживающимся. Ни у кого не возникает побуждения нарушить соглашение. Отметим также, что немного приобретут те, кто станет рассматривать это решение как некую разновидность договора. В данном случае гораздо менее вероятно по сравнению с первым примером, что кто-либо предложит

¹⁶ См. также Филиппов, Ордешук, Швецова (Filippov, Ordeshook and Shvetsova, 2001), особенно гл. 5.

¹⁷ С учетом особого значения теории игр как метода для анализа конституции можно было предположить, что Кутер (Cooter, 2000) окажется среди сторонников идеи *конституции как соглашения*. Но он также признает преимущества идеи *конституции как договора* в создании согласия.

всем *подписать* декларацию, объявляющую, что все граждане должны ехать по левой стороне дороги. Никакого символического акта приверженности не требуется по причине самоподдерживающейся природы соглашения.

26.8.3. Обсуждение

Конституция — это договор. Конституция — это соглашения. Оба эти утверждения — не более чем метафоры, и, как любые метафоры, они не должны восприниматься буквально. С другой стороны, каждая вызывает некий ряд ассоциаций, которые помогают раскрыть важные особенности исходного понятия. Конституция похожа *и* на договор, *и* на соглашение.

Конституционное положение о том, что выборы президента должны происходить раз в четыре года, прекрасно вписывается в представление о конституции как о соглашении. Сроки нахождения президента у власти могут быть выбраны различными — три года, четыре года, и даже пожизненно. Каждый из этих вариантов может рассматриваться как приводящий к различным долгосрочным равновесиям. Устанавливая четырехлетний срок как соглашение, конституция эффективно выбирает одно из этих равновесий. После того как решение принято, оно само обеспечивает свое выполнение. В любой конституции много положений, подобных описанным выше.

Теперь рассмотрим, к примеру, конституционный запрет разводов. Это положение вряд ли разумно охарактеризовать как соглашение. Очевидно, что оно никоим образом не может быть самоподдерживающимся. В определенных ситуациях некоторые люди, вероятно, желали бы развестись, и если мы хотим, чтобы это положение конституции осуществлялось, то это возможно с помощью полиции, судов и/или военных. Если в конституции имеются положения, подобные этому, то она также должна создать органы для обеспечения их выполнения, и тогда проблема бесконечного регресса, описанная Ордешуком, поднимает свою безобразную голову. Если полиция, суды и военные могут предотвратить разводы, что мешает им препятствовать контрацепции, сексуальным отношениям вне семьи и многим другим действиям, *не* запрещенным конституцией?

Все конституции содержат положения, для выполнения которых необходимы те или иные органы принуждения. Включение таких положений в конституцию немедленно толкает граждан в отношения «принципал–агент» с государством, и метафора конституции как договора обретает ценность. Зачем сообществу запрещать разводы? Зачем сообществу запрещать рабство? Двухстадийная теория конституций, представленная в данной главе, дает некоторое понимание возможных ответов на эти вопросы. Сообщество может запретить разводы или рабство, если будет считать, что будущие выигрыши тех, кто хочет развестись или владеть рабами, окажутся слишком малы в сравнении

с ущербом, наносимым этими действиями другим людям. При включении в конституцию таких положений граждане также должны создать органы для принудительного выполнения этих запретов и, таким образом, внести положения, которые предоставляют агентам стимулы придерживаться конституционного договора. Отношения «принципал–агент» в конституционном договоре должны быть перевернуты.¹⁸

Одна из опасностей представления о конституциях как самоподдерживающихся соглашениях заключается в том, что создается впечатление, будто этот «механизм» или «способ» координации действий, будучи однажды правильно сконструирован, будет работать всегда. Ценность представления о конституциях как договорах в том, что все понимают — договора иногда приходится переписывать, чтобы учесть изменения ситуаций, и в том, что легко идентифицировать тех, кто должен заняться этим переписыванием. Если 200 лет назад, когда впервые составлялась конституция, сообщество считало, что необходимо запретить разводы, а сегодня оно считает по-иному, то необходимо снова собраться и внести изменения в конституцию. Это, в свою очередь, подразумевает, что при первоначальном написании конституции в нее должно быть включено положение, предусматривающее возможность внесения поправок в случае изменения условий.¹⁹ В отличие от этого метафора конституций как соглашений подразумевает некий эволюционный процесс селекции соглашений и равновесных состояний, который в некотором смысле не может контролироваться гражданами.

Хотя все конституции имеют как свойства договора, так и свойства традиции, в каждой конституции эти качества проявляются в разной мере. Конституция Великобритании более других похожа на ряд конвенций, служащих координации политической жизни страны. За исключением подписания Великой хартии вольностей в 1215 г. в Раннемиде, в истории Великобритании нет моментов, которые можно было бы рассматривать как заключение договорного соглашения между гражданами.²⁰ Таким образом, «неписаная» природа британской конституции дает возможность гибко реагировать на изменения ситуации. С течением времени сформировалось соглашение проводить выборы раз в пять лет, но в периоды войн или национального кризиса выборы

¹⁸ Проблема ограничения агентов власти — центральная в теории общественного договора, предлагаемой Бреннаном и Бьюкененом (Brennan and Buchanan, 1980, 1985). Мервилл и Осборн (Merville and Osborne, 1990) также делают упор на отношения «принципал–агент» в конституционном договоре, подчеркивая, что договор должен быть самоподдерживающимся. Таким образом, требование самоподдерживающейся конституции — это не то, что разделяет сторонников договорного и конвенционального подходов.

¹⁹ См. предложения Мюллера (Mueller, 1996a, ch. 21). Один из важных недостатков Конституции США — сложность ее изменения. См. у Акермана (Ackerman, 1998).

²⁰ Даже хартия в Раннемиде была подписана только королем и несколькими пэрами.

в федеральные органы власти иногда откладываются. Британская конституция — гибкий, постоянно развивающийся свод соглашений.

В отличие от Великобритании в истории США есть такой «конституционный момент» — это конец XVIII в., когда была составлена и ратифицирована Конституция США. Цитата из Томаса Пайна в начале этой главы показывает, что сам он думал о конституции как о *пакте*, и, вероятно, так же думали о ней многие из тех, кто участвовал в ее составлении и ратификации. Вероятно, сегодня многие американцы тоже чувствуют себя участниками этого договора благодаря высочайшему статусу отцов-основателей. И это чувство сопричастности может отчасти объяснить то почитание, с которым многие американцы относятся к своей конституции, и, как следствие, ее долговечность.

26.9. Выводы из теории двух этапов общественного выбора

В этой главе мы описали основные элементы двухстадийной теории общественного выбора, согласно которой на первом этапе решения принимаются за «вуалью неведения», в то время как на второй стадии все члены общества уже знают свои личные интересы. Мы видели, что выводы этой теории существенным образом зависят от допущенного на первой стадии характера неопределенности. Если участники конституционного соглашения могли бы предсказать для любого действия, как оно повлияет на полезность каждого индивида в будущем, и находились бы в неопределенности только относительно того, кем из этих индивидов будут они сами, то они могли бы включить в конституцию все правила, регламентирующие будущие действия. Тогда постконституционная политика упраздняется, а конституция максимизирует функцию общественного благосостояния Харшаньи. Государство не исчезает полностью, так как у граждан на постконституционной стадии могут возникать стимулы не следовать положениям конституции, и такие отклонения должны наказываться. Однако не требовалось бы никакого дополнительного коллективного выбора и, таким образом, формирования дополнительных политических институтов.

Другая крайность — когда творцы конституции не обладают никакой информацией для расчета будущих вероятностей и выигрышей полезности, то они не в состоянии записать в конституции такие правила, которые максимизируют их ожидаемые полезности. Тогда они отбрасываются в роулсианский мир и дополнительные нормативные принципы, подобные двум принципам справедливости Роулза, должны быть задействованы для выбора политических институтов, предназначенных для осуществления будущего коллективного выбора и разрешения будущих конфликтов.

Если предположить среднюю степень неопределенности — индивиды на конституционной стадии могут судить о возможной полезности различных будущих действий, но не могут определить количество индивидов, которые выиграют или проиграют в результате каждого из действий, то могут быть выбраны правила голосования, которые раскроют эту информацию на постконституционной стадии. Именно при этом промежуточном уровне неопределенности вступают в силу принципы теории общественного выбора. Неявно Бьюкенен и Таллок (Buchanan and Tullock, 1962) подразумевали именно этот промежуточный уровень неопределенности в своем анализе выбора правил голосования и других политических институтов на конституционной стадии.

Хотя мы смогли вывести некоторые очень точные условия для выбора какого-либо конкретного правила голосования или спецификацию права на то или иное действие, мы сделали это при довольно сильно ограничивающих допущениях о том, что существуют всего две группы индивидов, что они способны делать межличностные количественные сравнения полезности и т. д. Если бы нам было нужно расширить количество групп с различными предпочтениями, наша способность определять правила голосования, максимизирующие ожидаемую полезность кого-либо на конституционной стадии, быстро бы снизилась (Mueller, 2001). Таким образом, настоящий урок, который следует усвоить из этого упражнения, заключается не в том, что в утилитаристской теории конституции есть возможность найти условия, при которых правило голосования, подобное правилу простого большинства, является оптимальным, а скорее в том, насколько ограничительными являются предпосылки, которые надо сделать, чтобы выполнить эту задачу.

С другой стороны, мы также ограничили рассмотрение рядом правил квалифицированного большинства — от диктатуры до правила единогласия. Потенциал определения правил голосования, которые максимизировали бы ожидаемую полезность кого-либо на конституционной стадии, намного расширяется, если допустить, что творцы конституции могут использовать какие-либо из изобретенных процедур по выявлению индивидуальных предпочтений граждан. Например, описанная в гл. 8 процедура очкового голосования может быть использована для максимизации бентамовской ФОБ и, таким образом, стать привлекательной альтернативой для участников конституционного совещания, которые хотели бы выбрать правило голосования, позволяющее раскрыть касающиеся общественных благ предпочтения индивидов на постконституционной стадии. При выполнении предположений, на которых основана вероятностная модель голосования, описанная в гл. 12, правила голосования, ведущие к двухпартийной системе, могут также максимизировать ФОБ. В течение сорока лет, прошедших с опубликования книги Бьюкенена и Таллока «Расчет согласия», возникло множество различных предложений институтов, которые могут быть выбраны группой индивидов, желающих создать максимизирующую их ожидаемые полезности конституцию в ситу-

ации, когда они находятся в неопределенности относительно своих будущих положений в рамках действия данной конституции.²¹

26.10. От нормативной двухстадийной теории конституции к тестированию гипотез

Как было отмечено в начале этой главы, книгу Бьюкенена и Таллока «Расчет согласия» можно считать одновременно и нормативной, и позитивной теорией конституции. По большей части анализ двухстадийных теорий конституции тяготеет к нормативной позиции, и данная глава не является исключением. Перед тем как закончить разговор о двухстадийных теориях, мы вкратце расскажем о том, до какой степени эти теории могут быть или были подвергнуты эмпирическому тестированию.

Существуют два направления размышлений о том, как тестировать выводы конституционных теорий. Первое заключается в представлении о них как о теориях о том, как политические правила или институты воплощаются в результаты.

Правила → Результаты

Множество публикаций по теории общественного выбора можно рассматривать как разработку и тестирование различных теорий, посвященных этому аспекту конституционной политической экономии. Например, приведенные в гл. 13 теории о том, как различные правила голосования определяют количество партий, представленных в законодательных органах, относятся к этой категории. То, какая политическая система используется в стране — двухпартийная или многопартийная, какая принята форма правления — президентская или парламентская, определяет, в свою очередь, величину и структуру государственных расходов.²²

Второе направление рассматривает конституционные теории как теории о том, как индивидуальные предпочтения (имеются в виду предпочтения создающих конституцию индивидов) воплощаются в политические правила.

Предпочтения → Правила

Именно этот способ рассмотрения ближе всего к описанной выше двухстадийной теории конституции. Например, она утверждает, что индивидуальные права на определенные действия могут включаться в конституцию в случае,

²¹ См. Mueller, 1996a.

²² См. работу Персона и Табеллини (Persson and Tabellini, 2000a) и обсуждение в гл. 21.

если невозможность осуществления таковых повлекла бы для субъекта ущерб, гораздо больший, чем все возможные негативные экстерналии этого действия, а также *если* творцы конституции не могут исключить варианта, при котором именно они будут теми людьми, которым общество может помешать осуществлять это действие. Заселение Америки происходило частично за счет людей, бежавших от религиозного преследования в Европе, и к моменту составления конституции многие еще боялись, что в будущем некое большинство может попытаться помешать им исповедовать их религию, и соответственно полагали, что свобода вероисповедания нуждается в конституционной защите. Аналогично многие подвергались произвольным арестам при британском правлении и также могли испытывать неуверенность в гарантиях от подобного рода опасности. Существование некоторых прав в «Билле о правах» Конституции США легко объясняется именно в рамках двухстадийной теории конституции.

Рабство также относится к числу явлений, запрет на которые теоретически должен бы быть включен в конституцию: большой ущерб для тех, кому отказано в свободе, и сравнительно небольшая выгода для тех, кто пользуется его плодами. Почему тогда изначально в Конституции США не было запрета на рабство? Очевидный ответ заключается в том, что составлявшие и ратифицировавшие конституцию ни в коей мере не опасались в будущем оказаться на месте рабов; все они были абсолютно уверены, что это невозможно. Именно неуверенность в будущем положении — действительная или мнимая — является существенным элементом двухстадийной теории конституции.

Мак-Гуайр и Осфельд (McGuire and Ohsfelt, 1986, 1989; McGuire, 1988) достигли некоторого успеха в объяснении голосования в конституционном конвенте в Филадельфии и ратификации заключенных там соглашений с точки зрения эгоистических интересов участников. Хотя некоторые их интерпретации данных можно поставить под вопрос (Mueller, 1996a, pp. 62–63), они представили убедительные свидетельства того, что отцы-основатели Соединенных Штатов не смогли подавить все свои узкоэгоистические интересы при написании и ратификации конституции. К сожалению, конституционные собрания — нечастые события, так что эмпирическая проверка гипотез относительно голосования по конституционным положениям, вероятно, останется своего рода «юной отраслью» в области теории общественного выбора.

Библиографические примечания

Имеется большое количество работ по теории общественного выбора, которые неявным образом взяли решения на конституционной стадии в качестве отправной точки. В качестве примера можно привести следующие публикации: Rae, 1969; Mueller, 1971, 1973, 1996a; Mueller, Tollison, and Willet, 1974a, b, 1976; Abrams and Settle, 1976. Теперь существует даже журнал “Consti-

tutional Political Economy”, целиком посвященный вопросам конституционной политэкономии. Весь девяностый том журнала «Public choice» (март 1997) был посвящен данной теме.

Джеймс Бьюкенен подробно разъяснил и аргументировал двухстадийный конституционный подход к вопросам общественного выбора, публикуя многочисленные статьи по этой теме в течение многих лет. Хорошая подборка этих статей — в двух томах, опубликованных в 1986 и 1991 гг. В настоящее время Фонд Свободы готовит к переизданию все труды Бьюкенена. Рили (Riley, 2001) представляет прекрасный анализ двухстадийного подхода к конституции.

Колеман (Coleman, 1988) критикует конституционную политэкономия с юридической точки зрения. Кутер (Cooter, 2000) применяет концепции теории игр к анализу конституционных институтов. В книге Фереджона, Ракове и Рили (Ferejohn, Rakove and Riley, 2001) есть несколько интересных статей по конституционным вопросам.

Книга Бирда (Beard, 1913) «Экономическая интерпретация конституции» (имеется в виду Конституция Соединенных Штатов) может считаться (если на самом деле не является таковой) уникальным новаторским вкладом как в теорию общественного выбора, так и в конституционную политэкономия. Несомненно, эту книгу можно назвать «конституционной политэкономия без романтики», перефразируя характеристику теории общественного выбора, данную Джеймсом Бьюкененом. Бирд предвосхитил некоторые гипотезы и выводы Мак-Гуайра и Осфельда (McGuire and Ohsfelt, 1986, 1989; McGuire, 1988), и его книга разделяет со всеми «экономическими теориями политики» несколько циничное отношение к частной мотивации и ее влиянию на политические результаты. Но труд Бирда был, в сущности, проигнорирован как представителями школы общественного выбора, так и конституционной политической экономии.

Войт (Voigt, 1997, 1999) является одним из ведущих поборников развития позитивной стороны конституционной политической экономии.